

ДНЕВНИК
МАЙИ
БУБНОВОЙ

О Майе, комсорге 221-й ленинградской школы, в патетическом дневнике которой громкие слова о Родине, долге и коммунистической молодёжи перебиваются краткими и ужасающими на этом вдохновенном фоне бытовыми записями, как, например, 25 января 1942 года: «Вода не идёт. Радио молчит. Телефон не работает. Топлива в Ленинграде нет. Мороз -39°», известно крайне мало: училась в 8-м классе средней школы Куйбышевского района, отец работал на железной дороге. Это всё, что смогли нам сообщить в Центральном архиве историко-политических документов, где уже много десятилетий хранится этот дневник.

Мы знаем, что Майя пережила войну. О взрослой Майе Александровне доходили известия, что «занялась наукой, командирована из Ленинграда». Последние ниточки к ней ведут в начало 2000-х, когда она проживала в городе Пушкине, на улице Магазиной. Затем след обрывается.

1 октября 1941 года. Сейчас октябрь. Уже три месяца моя родина, мои родные и друзья борются с наглыми фашистскими захватчиками, посягнувшими на наше счастье, на нашу свободу. (...)

Я работаю сейчас на заводе, в частности, являюсь кадровым ночным дежурным. Наша команда по охране завода состоит почти вся из молодежи; девчата хорошие, я с ними на окопах вместе была, и нас поэтому зовут обстрелянными. (...)

Вернулись мы с окопов в тревожное для Ленинграда время, в момент, когда началась бомбардировка города, а в его пригородах были высажены немецкие десанты, 12-15 числа сентября 1941 года.

И вот тогда-то, работая в цеху, я часто слышала со стороны тетушек такие разговоры: «Меня немец не тронет, я не еврейка, а муж мой не коммунист. А то, что он в армии, - так ведь всех мобилизовали (сам-то ясно бы - не пошел, кому охота?)» (...)

А дрожат за свою шкуру, за свою «драгоценную» жизнь, оставив в тяжелый момент свою родину, - предатели, трусливые остатки мелочных буржуа, прятавшихся в своих норах. Эти людишки сами говорили, что имели они раньше квартиры и что женщины раньше работы и не знали, жили, дескать, всей семьей в довольстве на один заработок (мужа). Я-то прекрасно понимаю, каким это образом получалось. Но находятся и такие, правда, редко, которые слушают этих тетушек, называющих себя рабочими и разводящими следующую ерунду, когда начинаешь им возражать: «Нечего за коммунистов заступаться, продали они нас; если немцы придут, то увидишь, что почти все перейдут к ним (по их расчетам, это должно было случиться в ближайшие два-три дня). Перейдут потому, что рабочему все равно, какая власть: что при советской власти работать, то и при немце. При немце даже лучше, т. к. можно будет заработать да и купить что захочешь, без всякой очереди». Нажраться да напялить на себя всякое барахло - вот за что продают они родину и свое человеческое достоинство; вот что идеал их жизни, хоть подхалим, слуга - да сыт. Сволочи! Работать устали, немецких благодетелей захотели! (...) Я им, чертям, противопоставляла своих родителей. Папу, который до революции был мальчишкой-подмастерьем, а при советской власти, за которую боролся всю жизнь, окончил промышленную академию им. Сталина; маму, с семи лет работавшую по людям нянькой, батрачкой и только при советской власти получившую среднее образование. А они пищат, что женщина работы не знала. Им,

обывателям проклятым, пожрать бы как следует да языки почесать, а остальное их не интересует. (...)

22 ноября 1941 года. Вчера вечером сидела у меня Нана, и мы делали уроки. Тревога... А мы с Нанкой пыхтим над образом Собакевича (он заворачивает всю баранью бока с кашей, щи и пр., а у нас аппетит расходуется, прямо учить невозможно, но мы не сдаемся!).

Вдруг трах... та-ра-рах. Садануло так, что мы с Нанчиком подскочили со стульями... и погас свет.

Адольф раскопал где-то бомбу и бросил. Именно раскопал, потому что у него с ними заело. Позавчера, например, не было тревоги, как видно, бомб нет, да и наши не пускают его. Он со злости, что ему на передовых жару дали, днем и ночью ведет артиллерийские обстрелы города, в частности нашего района. Пошли мы с Нанчиком с бомбоубежище, сходили, но там надоело сидеть, и мы пошли в жакт. В эту тревогу наше санзвено перевязывало раненого. После тревоги пошли провожать Нанку домой, но, так как бомба упала на углу канала Грибоедова и Невского, нас дальше улицы Бродского не пустили и Нанчик осталась у нас.

Ноябрь 1941 года. Пятый месяц боремся мы с фашизмом, коварным и сильным врагом. Как резко изменилась обстановка в сравнении с первыми днями войны и как многое пришлось мне перевоспринять, на многое взглянуть по-новому. Смешно вспомнить, вернее, странно, что совсем недавно мы с Зойкой мечтали увидеть войну, торопились подрасти, чтобы нас хоть подносить патроны взяли бы на фронт. Собственно, и вся война-то представлялась нам в романтическом свете, без тех практических неизбежностей, которые сейчас существуют.

Смелая атака наших красноармейцев вместе с тысячами танков и закрывающими небо, тучами самолетов, единый могучий удар и... фашисты бесславно удирают, в пух и прах разбитые нашим всесокрушающим натиском. Причем все это должно происходить на границе.

Да и совсем недавно, в 20-х числах июня 1941 года, я боялась, что война пройдет мимо меня, т. е. что она кончится в несколько дней и я ничего не увижу, что мне не придется столкнуться со всеми ее трудностями, которые я очень смутно себе представляла, поэтому-то и было интересно, и хоть на минуту стать похожей на участников гражданской войны, которым я искренно завидовала; хоть чем-нибудь помочь моей стране, почувствовать и доказать, что и ты не зря землю топчешь, что и твоя пара рук пригодилась.

Я очень сердилась, что мама не разбудила меня в воздушную тревогу в ночь с 23/VI на 24/VI-41 г. Мне очень хотелось услышать хоть выстрелы зениток. О бандитском налете фашистских бомбардировщиков на Киев, Севастополь, Житомир и др. города я узнала, находясь в больнице. Я не верила этому до тех пор, пока собственными ушами не услышала по радио сообщение т. Молотова. (...)

На другой день 23/VI-41 г. мы с Зойкой думали, что же делать должны мы? Мы помчались в райком комсомола, где нас направили проверить вручение повесток по мобилизации, а также явку военнообязанных на пункты. Поэтому мы целый день носились по жактам и воевали с управхозами.

Потом мы лазили по чердакам нашего дома, стаскивали оттуда заброшенную мебель и, приведя ее в настоящий вид, оформили медпункт и газоубежище. Придя домой, мы узнали, что нужно ехать грузить песок, и мы, не только я и Зоя, но и другие ребята, решили поехать.

Так несколько дней работали мы по заданиям жилуправления и домохозяйства. Меня вызвали в школу. Было комсомольское собрание. Мы решили, что девочки нашей комсомольской организации должны стать дружинницами, а мальчики идти добровольцами в Красную Армию и ополчение. К выполнению этого решения мы немедленно и приступили. (...)

Нас же ожидала неудача, нас, девочек. На другой день мы с Таней Браудэ рано утром были уже у дверей Куйбышевского РОККа. Но... увы, нам безжалостно заявили, что и без нас на фронте хватит людей, а нам надо еще подрасти. Хорошенькое дело! - «Надо подрасти!» Нам по 16-17 лет, а нам советуют подрасти!!! И сколько мы с Танькой ни бузили там, все равно ничего не помогло.

Одна добрая душа посоветовала сходить в военкомат, сказав, что оттуда хоть в госпиталь работать пошлют. Но и эта наша надежда не оправдалась. Тогда мы с Таней решили идти непосредственно к начальнику госпиталя. Нас направили в завком. Председатель завкома встретила нас приветливо, так, что у нас затеплилась надежда. Нам не пришлось много ей объяснять, зачем мы пришли, так как не мы первые к ней пришли, а уже много ребят работало в госпитале (когда только они успели!). Нам она сказала, что прием закончился два дня тому назад. Мы с Танькой чуть не разревелись от обиды. Мы ее умоляли, хоть нас двоих принять; она говорила, что понимает нас и что ей очень хочется

помочь нам... Но что же сделать, если таких, как мы с Танькой, тысячи. Наконец, мы получили маленькую надежду, - она велела нам зайти дней через пять.

За эти дни у нас было еще несколько проектов, которые нам тоже не удалось осуществить. Мы решили не терять зря время, если ничего не выйдет с работой в госпитале, то попытаемся организовать поездку в колхоз, где рабочие руки были нужны. И мы снова летим в райком, нас посылают в Обком комсомола. Но увы... и тут мы опоздали! Черт знает что такое!!! Мы возмущены. Несколько часов назад отправили последнюю партию, а с сегодняшнего дня вышел приказ - учащихся не посылать. Мы со злости съели по эскимо и поехали домой. Любка с нами еще путешествовала по этим мукам. Мы решили все же не сидеть дома, когда все работают.

И вот я и Зоя на заводе. Совсем как взрослые. Завод выполняет военный заказ, и мы довольны, что хоть чем-нибудь помогаем фронту. Таня тоже работает на заводе «Связи» (номерной завод).

4 декабря 1941 года. Дежурила в школе в ночь со среды. Во время тревоги меня послали в бомбоубежище; проверила сансумку. Встретила там Наташу Дементьеву. Она мне сказала, что, если бы ей в руки дали Гитлера, то она прежде всего заставила бы его выучить историю партии на древнееврейском языке.

14 декабря 1941 года. Ура! Наконец-то гоним немцев почти по всему фронту! Ростов - наш. Елец - наш. Тихвин - наш. Сорвали план блокады Москвы и гоним немцев. Наши войска заняли Солнечногорск, Михайлов, Клин, Ясную Поляну, Богородск. Продолжается наступление по всему Западному и Северо-Западному фронту. Наша Красная Армия занимает в день по сотням населенных пунктов. (...)

16 декабря 1941 года. В школе холодина жуткая, мерзнут руки. У нас свет пока есть, а у многих ребят нет. Да и мы тоже со свечкой часто сидим. Придешь домой - холодина, жрать охота, ну и ждешь, пока мама плитку затопит, прямо не плита, а спасенье какое-то. Зима-союзица шпарит такими морозами да завалами снега, что лучше не надо. Из-за снега не ходят трамваи, так что пришлось ввести трудоповинность по уборке снега.

Мама моя целый день бегает, все организует и в домохозяйстве и дома. Прямо пучок энергии. Где она - там радость, тепло, спокойствие, выдержка, уверенность, желание работать.

19 декабря 1941 года. Приходил папа. От Кировского завода пешком шел, так как трамваи не ходили. Пришел радостный, говорит, что они начали готовиться к пуску завода. А в среду, позавчера, пришел и сказал, что позавтракал жареными воробушками. С сегодняшнего дня у них снято казарменное положение. 24/ХІІ-41 г. должен пойти завод; правда, хлеб будут смешивать с какою-то древесиной, древесной массой, но все же имеется перспектива. (...)

20 декабря 1941 года. Как ни старается Ленинград скрывать свои раны, подчас приходится признавать неумолимую силу голода. Люди борются с ним настойчиво, со слезами горькой обиды, со злобой и упорством, стараясь заглушить его, мешающего жить, работать, бороться. И жутко то, что нечем помочь друг другу. Слабые гибнут, гибнут и гибнут, а остающиеся в живых отчаянно хватаются за малейшую возможность выдержать борьбу и не превратиться в жертву, напрягают последние усилия. (...)

25 декабря 1941 года. Какое счастье! Прибавили хлеба. Вместо 125 г в день теперь получаем 200 г. Как поднялось настроение, прямо люди воспрянули. А то жутко становилось: кругом один за другим умирали, а рядом кандидаты туда же.

Последние силы напрягаешь, чтобы не скапуться. И вот радость! Радость! Теперь хоть понемножку будут вливать в нас жизнь. Говорят, что к новому году дадут шоколад, а вино и ржаную муку уже дают. А это значит, что скоро блокаде будет конец.

Милые, дорогие бойцы!!! Они гонят немецкую сволочь из-под Ленинграда, гонят, гонят и гонят. Скорее бы, скорее бы вон их с нашей земли.

В самые трудные, тяжелые минуты думаю о бойцах, им-то ведь не легче, чем нам, а ведь не складывают они оружия. Им тоже и холодно и голодно, да и находятся они постоянно в боях. Но ведь хватило же у них силы защищать Ленинград. Ни одного фашиста не было, нет и никогда не будет в Ленинграде. (...)

12 января 1941 года. Мороз -30°! На фронте под Ленинградом что-то совершается. Немцы настроили бетонированных ДЗОТов, их трудно оттуда выбивать. Но все же выбивают, окружают и уничтожают. Не сегодня - завтра должно все резко измениться, кольцо вокруг немцев здорово стянулось. Еще удар, уничтожающий удар по их логовам, - и им каюк, никуда не удерут. А то уже слишком они нахальны. Удират-

ют в дамских юбках, чепцах и тащат с собою железную дорогу (рельсы, шпалы) и вместе с нею дверные крючки да ручки. Но уж землю-то им не утащить, да и сворованное-то все равно все по дороге побросают. (...)

А Ленинград, милый Ленинград...

Мороз жуткий, в квартирах холодина, вода замерзает, света нет. Электричество экономят для заводов и фабрик. Лимит на комнату по 1/2 гектоватта, да хорошо, если свет дают. Трамваи не ходят. Потому ли, что нет тока, потому ли, что занесло снегом рельсы, и все замерзло, а может быть, и потому и по-другому. Редко встретишь машину. Все сковано морозом. Ленинградцы расчищают пути, а мороз снова их сковывает. Люди ходят на работу пешком, ходят по несколько десятков километров, закусив предварительно кусочком хлеба в 75 г да чашкой кипятку (счастье, если он есть), конечно, без сахара, которого не дают уже целую декаду.

Сегодня 12 января, вторая декада, но еще и за первую декаду не только не дали продуктов, кроме мяса, но даже не установили норм выдачи. За третью декаду декабря не дали масла, а вина немножко дали и все, почти ни у кого не выкуплено, не хватило. На базах продуктов нет. Во всех столовых кормят болтушкой из ржаной муки, редко где есть лапша. Значит, общее положение - продовольствия нет. Дают суп из дуранды, который ко многому привыкшие желудки ленинградцев переваривают трудновато, да иногда появляются конные котлеты или из кишок.

В магазинах пусто. (...) Только булочные оживают утром, когда ленинградцы, вступая в свой трудовой день, спешат получить зарядку на целый день, свою дневную норму -200 г или 350 г хлеба. Хлеб - единственный их спаситель, если не считать тарелку мучной болтушки. Да, трудно переносить такие вещи. Голод валит людей, на улицах валяются их коченеющие трупы, машины подбирают их и сваливают в братские могилы. В каждом доме, что ни день, умирают люди. Например, у нас в доме за время голодовки умерло больше 20 человек. Умирают больше больные, но и от истощения тоже немало. Жутко... И трудно помочь. Чувствуешь, что и сам скапутишься, если так будет продолжаться, но этого не может быть. (...)

Папка и Вовка заболели. Папа по 14 км в день ходил, да еще отравился дурандовым супом, так мы его еле-еле отходили, мама дает ему аллисат какой-то. Он бледный, тощий, как скелет, сначала не вставал, а теперь хоть с нами вместе чай пьет. А у Вовки грипп, да ухо вдобавок

заболело, высокая температура. Мамуся тоже тоненькая-тоненькая, у нее часто очень голова кружится от усталости и недоедания, но она все равно все работает, работает и работает.

Врача вызывать Папке ходила в поликлинику 9/1-42 года, 8-го не могли дозвониться, но его до сих пор нет. Вообще черт знает что такое! Протянуть бы несколько денечков, а там... что-то будет?

Утром мы пьем чай, едим по кусочку хлеба с солью и горчицей, сухарики, сейчас же подсушенные. К 11 часам иду в школу, получаю суп мучной, 2 порции, мама разбавляет его водой и кладет туда гренки (сегодня истратила на них для жарки последнее, перетопленное с горчицей, кокосовое масло). Вечером опять пьем чай с хлебом и сухарями, подсушенными из хлеба нашей дневной нормы, которая забрана на день вперед.

Чтобы достать Папе лапшички, т. к. он ничего не мог есть (тошнило), я ходила к Вале в столовую на Петроградскую сторону в жуткий мороз и обстрел. (...)

Скорей бы прорвали блокаду. Ленинград напрягает свои последние силы и держится мыслью о фронте. (...)

14 января 1942 года. Мороз -32° . С утра целый день горит Гостинный двор. Еле-еле достала хлеба (очень белый). Сейчас пятый час. Пошла в магазин - пусто, в булочной - ни кусочка хлеба. Заболела мама, но ее ничем не удержать дома, работает с повышенной температурой. Завтра в школу. У меня ни одних уроков не сделано, и делать неохота. В школе холодно, замерзаешь, пока обед получаешь. Не то что 6 уроков отсидеть, а и час просидеть жутко. Фаня Абрамовна позвала меня и говорит: надо развертывать работу учкома совместно с комитетом комсомола. Разве возможно что-нибудь делать при таком холоде? Я уже много раз пыталась, но мало что возможно осуществить. А она - план да план, уяснить задачи. Все давно ясно. Дело за школой. Если с 15 января 1942 года будем учиться, то немедленно нужна теплая комната для подготовки домашних заданий и проведения необходимых мероприятий. Комнаты такой на сегодняшний день в школе нет, а следовательно, отпадает и всякий вопрос о внешкольной работе. Эх холод, холод, мешает работать. Настроение - дрянь.

23 января 1942 года. Таня Браудэ тоже ходит в школу. И, честное слово, смотришь на нее - и хочется работать; она такая же дурочка, как и я. Ей хочется, несмотря ни на что, ни на какие трудности, жить, работать,

хочется чем-то помочь нашей родине, закончить отлично учебный год и потом... О мечты, мечты! Мы обязательно поедем с нею в колхоз работать, и еще ребят сагитируем, главным образом, на комсомольцев будем нажимать. Если нам не удастся добиться, то мы перевернем все райкомы и обкомы, а своего добьемся. Ведь мы же комсомольцы. Мы должны, можем и будем работать. А работать мы должны начать немедленно, сейчас, в школе. Мы не имеем права терять учебного года, а наоборот, должны и другим помочь закончить его успешно. Это наша первейшая задача, и мы должны ее выполнить. (...)

Теперь немножко о Ленинграде.

Он все тот же, спокойный, суровый, но веселее и радостнее стало от выпавшего пушистого снега и сверкающих солнечных лучей, от разбегжающих по городу машин, приятнее заглянуть в магазины, где на прилавках появилось масло, которого выдали всем по 50 г, сахара, которого выдали по 100 г и что, между прочим, мы уже съели. Ждут ленинградцы со дня на день прибавки хлеба, который пекут на славу, только бы побольше. Ждут, когда дадут еще крупы, масла и много еще других замечательных вещей. Везут, говорят, нам всего. Я очень обрадовалась, когда увидела свежие яйца, хотя и не для меня предназначенные.

Немцев бьют, бьют и бьют, скоро, наверное, всех добьют, что засели у нас под Ленинградом.

24 января 1942 года. Сегодня Ленинград просиял. Все радостные, улыбаются. Сводка! Хлеба прибавили, муку, сахар выдают! Проснулись золотые надежды. Но в Ленинграде жуткий мороз -40° . Люди замерзают, стоит им только присесть отдохнуть или остановиться. Сегодня Августа Ивановна чуть ли не на себе принесла полузамерзшую сотрудницу, которую мы еле-еле отогрели и выходили. Она собралась к матери идти, в гавань - это от Московского-то райсовета. Бедная девушка. У нее уже спазмы горла были, она промерзла насквозь и сильно волновалась. Мама все время отогревала ее утюгами и горячим кофе. Валерьянка ее успокоила немного, и она уснула. А утром она была совсем другой человек, возвращенный к жизни и работе ленинградец. (...)

26 января 1942 года. Водопровод не работает, току нет, радио молчит. Мороз -39° . Чтобы добыть воды, целый день, как папанинцы на льдине, таем снег, причем вода пахнет гарью и какого-то дымного цвета (видимо, от того, что, когда Гостиный двор горел, снег и напитался дымом). Другие ходят за водой на Неву, на Фонтанку. В школьной столовой супа

не было, т. к. нет воды. В булочных хлеба нет, а если есть, то тысячные очереди. Еле-еле достала хлеба.

27 января 1942 года. Все прелести к вашим услугам! За водой ходим к дыре на мостовой против Пассажа. Там, видимо, пожарный колодец, что ли, - и черпаешь ковшиком, да еще сначала в очереди постоишь, а потом еле отдерешь вмерзшие ноги. Пока несешь воду домой, она и замерзнет. На хлебозаводы подачи воды нет и хлеб полностью не выпекают. Воду хлебозаводы достают с большим трудом. В результате мы сегодня будем без куса хлеба, а другие со вчерашнего дня. В нашей булочной вторые сутки хлеба нет. Мы доварили последнюю муку. Выпили кофе и спать.

28 января 1942 года. Какое счастье! Радость, спасение - хлеб! Я его получила сегодня. С половины четвертого утра я встала в очередь и пришла домой без двадцати минут час дня. Стояла без всякой надежды, но иначе мы бы погибли. Только наши требования, наша настойчивость, упорство и инициатива (сами граждане вместе с директором ходили на хлебозавод, в управление и на базу, думали, что хоть бы мукой выдали), дали нам жизнь в полном смысле слова - хлеб. Но это удалось сегодня достать хлеба, а что будет завтра и дальше, если Ленинград не получит воды? Да, все двадцать четыре удовольствия! Мы уже три дня не знаем, что делается на свете. Радио молчит, и газет нет. (...)

11 июня 1942 года. Июнь! Весна и лето пришли. Жизнь расцветает, берет свое. Она лишь на время как будто замиравшая, засыпавшая, в отчаянных усилиях терявшая последнее, не замерла! Не уснула! Жизнь победила!

Борьба жизни и смерти решилась в те жуткие февральские дни. Она достигла своего кульминационного пункта и жизнь! - Честь и слава ей! - Победила! Победила и медленно, но упорно, уверенно и настойчиво начала крепнуть, уничтожать все мешающие ей завоевывать свое право торжества и господства в природе, людях и их бытие.

Что же это за сила, которая спасла нас, поддержала в тяжелую минуту трудной борьбы? Это ты, моя Родина! Это вы, дорогие бойцы, советские люди, это ты, «Ледовая дорога», это ты, всеобъемлющая вера в свою правоту, моральная поддержка товарищей, замечательный пример большевистской воли в сталинском всепобеждающем движении вперед! К поставленной цели, к победе! Вперед, вперед и только вперед! (...)

Ты не забудешь, Ленинград, когда нам на помощь шли люди, шли и прокладывали «Ледовую дорогу», дорогу жизни, чтобы не дать врагу задушить нас кольцом блокады, кольцом голода. Для тебя, Ленинград, прокладывали они дорогу через Ладожское озеро, через стужу, метели и шквалы вражеского огня. И они проложили ее, они пришли к тебе тогда, когда ты мрачный, холодный город с твоими коченеющими, напрягающими последние усилия жителями, падавшими от голода и холода, но все же шедшими работать для фронта, для Родины, - вот тогда, когда казалось, что враг уже дошел до цели - умертвить тебя, тогда они пришли к тебе; они шли к тебе по грудь в снегу, через пять шагов сменяя друг друга, шли к тебе через озеро и проложили «Ледовую дорогу», спасли тебя, вдохнули жизненную силу в твои замиравшие члены. (...)

7 февраля 1943 года. Работаю секретарем комсомольской организации нашей школы.

Вот уже и сорок третий год. Какими же бурями событий промчится он в нашей жизни? - так говорили мы в новогоднюю ночь.

И вот она, первая долгожданная желанная весна - прорыв блокады Ленинграда, 18 января, ворвалась в наши сердца, в нашу жизнь. И началось! Началось снова наше стремительное, безостановочное наступление на фронтах, начался разгром окончательный, полный разгром врага. Пядь за пядью, метр за метром наша земля сбрасывает с себя в кровопролитных жестоких битвах гитлеровскую звериную свору.

6 июля 1943 года. Давно не писала я в дневник. А многое и очень многое узнала я за это время, за эти несколько месяцев. (...)

Я не понимаю, как можно школьнику, подростку, молодому человеку быть в наше время не комсомольцем. Неужели «Как закалялась сталь» и сотни других замечательных живых учебников молодости не дошли еще до всех? Почему еще не всем понятно, что нам с момента нашего рождения историей нашей родины, нашим (ее) прошедшим, настоящим и будущим указано место в жизни, нам, подрастающему поколению, нам, бойцам и строителям новой жизни?

Я считаю своим первейшим долгом и большой честью, которую я должна оправдать, быть в рядах Ленинского комсомола. Это вот у меня в сердце сидит, и об этом я стараюсь как можно проще, лучше и доходчивей рассказывать ребятам.

Я не выношу шаблонной агитации и вербовки в комсомол, я считаю это позорным, к сожалению, еще существующим почти официальным

фактом. Я с болью в сердце принимала в комсомол некоторых ребят, буквально, под давлением райкома комсомола. (...)

28 августа 1943 года. Сегодня получила письмо от Виктора. Как я рада! Рада и всему письму в целом и нескольким строчкам в конце письма особенно, тем золотым словам, где он говорит, что встреча со мной для него не просто обыкновенное знакомство, а что-то родное, и чувства, пробужденные у него, не как у парня, к девушке, а братские. Да, именно братские, товарищеские чувства, да так и нужно было сказать, потому что это правда. И другим бы словам я не поверила, не поверила бы и разочаровалась бы еще в одном человеке. И теперь я его еще больше ценю, его цельность и простоту, совмещающуюся с гордостью, и правдивое вечное стремление расти умственно, политически и духовно. В нем есть что-то отличающее волжских жителей; по-моему, это романтичность и практика, любовь к природе, широта характера и прямота, честность, неторопливость и уважение к другим, а также неоязнь сознаться в ошибке, умение не скрывать, а ликвидировать свои недостатки, выдержка. Что же, Виктор, учись, дорогой, спасибо, что не заставил ошибиться в тебе. Посмотрю, что будет дальше. Понравилось мне в тебе и то, что не спрашиваешь у меня, переписываюсь ли я еще с кем-нибудь или нет. Будем, Виктор, как и были, до встречи хорошими друзьями, даже больше теперь, потому что мы поняли друг друга и быть может наша дружба будет:

«...Сильнее страсти
И горячее, чем любовь».

А то, что она крепка, так в этом порукой наша честность и доверие друг к другу.

9 сентября 1943 года. Какая радость! Город за городом, область за областью каждый день возвращаются в семью советских городов и областей. Каждый день, каждый час наша родная Красная Армия освобождает тысячи советских граждан от ига кровавых маньяков и десятки - сотни километров нашей родной русской земли, наши центральные области, нашу золотую Украину, наш юг! (...) На Запад! К Днепру, к Березине! Ничто, ничто не может, не могло и никогда не сможет сломить нашу волю к победе, нашу волю к счастью свободного созидательного труда, творчества и отдыха, нашу волю к беспощадной мести и борьбе за Родину-мать. Мы сильны своим единством, своей великой целью освобождения человека, а прежде всего своей Родины.

10 сентября 1943 года. Сегодня 10 сентября 1943 года, сегодня испол-

нилось два года с тех страшных, грозных и напряженных дней, когда зарево горящего Гатчино и бушующие языки пламени от первых фугасок, сброшенных на Ленинград, ворвались в нашу жизнь неумолимой правдой надвигающейся опасности. (...)

Вот в это время 10/IX-41 г. около 11 часов утра я стояла с лопатой у противотанкового рва под Вороньей горой и смотрела в голубое с легкими и редкими перистыми облачками утреннее осеннее небо. (...)

Я вспомнила, что вчера в озере разорвались 2 снаряда, что дня три назад у меня на глазах раскололся напополам, вспыхнул и кувыряясь пошел книзу немецкий лихач, что разобрали узкоколейку и завезли в Красное село 2 орудия для того, чтобы проверить построенные нами дзоты. Все это все же было чем-то лишь напоминающим, что нас окружает война, но не было заставившим мгновенно осознать действительность положения. Я, как и тысячи ленинградцев, рыла окопы, строила дзоты, но не верила, что они пригодятся, что они станут одним из препятствий на подступах к городу, не верила, что война станет буднями нашей жизни, что она вырастит меня. В том, что будут бомбить Ленинград, я не сомневалась, но что в 12 километрах от города будут немцы, я не верила тогда в то обыкновенное утро, ставшее через час первым моим боевым крещением. Да, именно через час над нами загудели 36 немецких бомбардировщиков, методично пикировавших на сады и дома Красного Села, на людей с лопатами в руках, рывших рубеж ползущей гадине. На Вороньей горе загорелись палисаднички, запылала неубранная рожь, застонала красносельская земля и вздыбилась, готовая встретить по-русски, врага.

Мы уходили в Ленинград, к городу, и мы знали, что дальше этой земли немец не пройдет, она станет смертельным рубежом для него. И если он вступил на нее, то смерть, смерть и смерть найдет для себя он на ней. Но в город, в город нашей свободы, гордости и счастья ему не прийти никогда, от городских застав мы не уйдем ни на шаг, ни на полшага не отступим. Так было прежде, будет сейчас и будет всегда.